

ГАННИБАЛ В АРМЕНИИ

Доктор историч. наук И. Ш. ШИФМАН (Ленинград)

Античная и раннесредневековая армянская традиция об основании Артаксаты (Арташата) сохранила до наших дней следующую информацию. В изложении не дошедшей до нас тридцать первой книги «Исторической библиотеки» Диодора (Diod., 31, 17a) мы узнаем, что «Артаксия (Арташес I,— И. Ш.), царь Армении, отпав от Антиоха (III,—И. Ш.), основал соименный себе город (πόλιν ἔκτισεν ἐπώνυμον ἑαυτοῦ)». Подобным же образом описывает основание Арташата Моисей Хоренский (2, 49), который воспроизводит армянское устное предание, отложившееся в народных песнях: «Арташес отправляется на (то) место, где сливается Ерасх с Мецамором. (Здесь) полюбился ему холм, на котором строит город и называет его Арташатом»¹. Иные сведения по этому поводу содержит краткая заметка Страбона (Strabo, 11, 14, 6). Мимоходом как о всем хорошо известном факте он говорит, что город Артаксату (Арташат) „основал Ганнибал для царя Артаксии (Ἄννιβα κτίσαντος Ἀρταξία τῷ βασιλεῖ)“. Наиболее подробные сведения по этому поводу содержит составленная Плутархом биография Лукулла (Plut., Luc., 31). „Говорят,— пишет Плутарх,— что Ганнибал-карфагенянин (Ἄννιβαν τὸν Καρχηδόνιον), когда Антиох (III,—И. Ш.) был разгромлен римлянами, перешел к Артаксию-армянину (πρὸς Ἀρταξίαν τὸν Ἀρμενιον), стал для него и многого другого начинщиком, и наставником в полезных вещах (ἄλλων τε πολλῶν εἰσηγητὴν καὶ διδασκαλίον αὐτῷ γενέσθαι χρησίμων), и, высмотрев место в стране самое удобное и приятное, не возделанное и находившееся в небрежении (τῆς χώρας καταμύθοντα τόπον εὐφροεστάτον καὶ ἡδίστον ἀργουντα καὶ παρορωμένον), план города на нем заранее начертал (σχῆμα πόλεως ἐν αὐτῷ προσηγορεύσθαι), и, приведя Артаксию, показал и рекомендовал для постройки (τὸν Ἀρταξίαν ἐπαγγέλλοντα δεῖξαι καὶ παρορωμεῖναι πρὸς τὸν οἰκισμόν). Когда же царь обрадовался и пожелал сам руководить работой (ἠσθέντος δὲ τοῦ βασιλέως καὶ δεηθέντος, ὅπως αὐτὸς ἐπιστατήσῃ τοῦ ἔργου), большой и чрезвычайно красивый город воздвигся (μεγα τε καὶ παγκαλίον χρημα πόλεως ἀναστῆναι), и, став соименным царю, был провозглашен столицей Армении (γεννομένην ἐπώνυμον τοῦ βασιλέως μητροπολιν ἀποδειχθῆναι τῆς Ἀρμενίας)“.

В исследовательской литературе эта традиция в той части, которая касается Ганнибала, была поставлена под сомнение². Однако в тру-

¹ Моисей Хоренский, История Армении, пер. Н. О. Эмина, М., 1893, стр. 98.

² Т. Моммзен, История Рима, М., 1936, т. 1, стр. 709; ср. Я. А. Манандян, Тигран II и Рим, Ереван, 1943, стр. 21—22; Я. А. Манандян, О торговле и горах-17 Հանրես, № 4

дах, посвященных жизни и деятельности Ганнибала, предание о пребывании Ганнибала при дворе Арташеса I и об его участии в строительстве Арташата признается достоверным³; эта точка зрения принята и в новейших справочных пособиях⁴.

В самом деле: сообщения указанных выше источников не могут быть признаны тенденциозными. Для греческой историографии эпохи римского господства (как, впрочем, и для римской) какая бы то ни было информация о деятельности Ганнибала в Армении была по существу дела безразличной и, следовательно, не могла служить объектом фальсификации. Рассматриваемая в плане содержания, она также не содержит в себе ничего, что можно было бы считать невероятным или противоречащим другим, заведомо достоверным источникам. Нет никакой физической невозможности того, что Ганнибал после разгрома Антиоха III отправился в Армению. Свидетельство Плутарха достаточно ясно показывает, каково реальное содержание глагола $\kappa\tau\iota\zeta\omega$ в заметке Страбона о Ганнибале, так что последняя не противоречит указанию Дюдора.

Имея в виду, что, реконструируя события, нам приходится становиться на зыбкую почву гипотез и предположений, можно, тем не менее, следующим образом попытаться представить себе действия и взаимоотношения Ганнибала и Арташеса I.

Как известно, после страшного поражения, которое Карфаген потерпел во II Пунической войне, Ганнибал пытался восстановить силы государства и исподволь подготовиться к новой войне с Римом. На этом пути он встретил сопротивление местной аристократии, чью власть он ограничивал своими «конституционными» реформами (Liv., 33, 46) и чьи имущественные интересы оказались задетыми финансовыми мероприятиями Ганнибала, имевшими целью сбор средств для выплаты контрибуции (Liv., 33, 46—47; Corp. Nep., Hannib., 7, 5). Аристократы — враги Ганнибала прибегли к доносу, обвиняя его перед римлянами в антиримских замыслах (Iust., 31, 1—2), и римское правительство решило добиваться его выдачи. Спасая свою жизнь, Ганнибал бежал на восток к селевкидскому царю Антиоху III, как раз в тот момент готовившемуся воевать с Римом. Естественно, Антиох с большой радостью принял у себя победителя при Тразименском озере и Каннах (Iust., 31, 2—3); сам Ганнибал предвкушал возможность нанести решительный удар своим старым смертельным врагам. Однако очень скоро отношения разладились — может быть, потому, что Ганнибал не скрывал сво-

дах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.), Ереван, 1954, стр. 50; С. Т. Еремян, Развитие городов и городской жизни в древней Армении, ВДИ, 1953, № 3, стр. 20; Г. Х. Саркисян, Тигранакерт, М., 1960, стр. 12.

³ J. Bugian, Hannibal, Praha, 1967, стр. 128; И. Ш. Короблев, Ганнибал, М., 1976, стр. 319.

⁴ См. соответствующие статьи в Der Kleine Pauly, Bd. I, Stuttgart, 1964, стр. 615; Lexicon der Antike, Leipzig, 1978, стр. 59.

ей отрицательной оценки селевкидской армии (Gell., Noct. Att., 5, 4, 5), а Антиох не желал делить с ним лавры победителя (Iust., 31, 6, 2; Zonar, 9, 8). Во время войны с римлянами Антиох III держал Ганнибала в тени, использовал его на второстепенных участках. В начале 189 г. до н. э. Антиох потерпел сокрушительное поражение в битве при Магнесии. Одним из условий мирного договора, заключенного в Апамее в 188 г. до н. э., была выдача римлянам Ганнибала (Polyb., 21, 14, 7).

При таких обстоятельствах Ганнибал должен был искать для себя нового пристанища. Не дожидаясь исхода мирных переговоров, он отправился ко двору Арташеса I.

Останавливая свой выбор на Великой Армении, Ганнибал должен был учитывать политическую ситуацию, сложившуюся в результате поражения Антиоха III. Благоприятным для него обстоятельством было то, что разгром Селевкидского государства позволил Арташесу I, до того бывшему наместником Антиоха III, обрести политическую самостоятельность и даже провозгласить себя царем (Strabo, 11, 14, 5; 11, 14, 15). Страбон говорит об активной завоевательной политике Арташеса (Strabo, 11, 14, 5), и эти планы не могли не складываться у него в самом начале его правления. Но если так, возникала почва для обоюдной заинтересованности: Ганнибал, направляясь ко двору Арташеса, мог рассчитывать на возвращение к полководческой деятельности, тогда как Арташес — использовать талант знаменитого военачальника. Слова Плутарха «стал для него (Арташеса I, — И. Ш.) и многого другого зачинщиком и наставником в полезных вещах» следует, по всей вероятности, расшифровать как указание на активную роль Ганнибала прежде всего в формировании и обучении войск Арташеса. Отрицательным фактором для Ганнибала была проримская ориентация Арташеса (Strabo, 11, 14, 15). Существовала реальная угроза того, что римляне потребуют от своего союзника выдачи Ганнибала. Вероятно, прежде чем отправиться на восток, Ганнибал получил от Арташеса необходимые заверения, а римляне, заинтересованные в союзе с армянским царем, считая, что этот союз гарантирует их от возможных попыток Ганнибала организовать еще один поход против Рима, до поры до времени не склонны были препятствовать царю Великой Армении укрывать у себя беглого карфагенского полководца.

Как бы то ни было, Ганнибал вскоре после битвы при Магнесии (189 г. до н. э.) появился при дворе Арташеса I и занял там видное положение, о чем свидетельствует его участие в основании Арташата. Естественно, что основателем города (ойкистом, если воспользоваться греческой терминологией) считался царь; поэтому традиция, отложившаяся у Плутарха, Ганнибалу отводит роль инициатора, а Арташесу — роль фактического руководителя строительных работ. В какой степени это предание соответствует исторической действительности, при нынешнем состоянии источников трудно определить, однако нет ничего невозможного в том, что Арташес, воспользовавшись советом Ганнибала, от-

странил его под благовидным предлогом от практического осуществления проекта.

В Армении Ганнибал оставался недолго. Вскоре после заключения Апамейского мирного договора (188 г. до н. э.) мы видим его в Гортине на острове Крит (Cogn. Ner., Hannib., 9; Iust., 32, 3—4). Что заставило его покинуть двор Арташеса I, источники не говорят. Не исключено, что ситуация, сложившаяся вокруг строительства Арташата, поразительно напоминающая положение, в котором Ганнибал оказался у Антиоха III, вызвала скрытый или явный конфликт между царем и карфагенским полководцем. Возможно также, что Ганнибал вне зависимости от этого пожелал вернуться в более привычную для него среду. Направление, которое он избрал для себя, свидетельствует, во всяком случае, о его намерении обосноваться где-нибудь в Греции или в непосредственной близости от нее (из Крита Ганнибал переехал в Вифинию, где и погиб в 183 г. до н. э.).

Все изложенное позволяет датировать основание Арташата не 166 г. до н. э.⁵ и не 176 г.⁶, но 189/8 г. до н. э.⁷

Кратковременное пребывание Ганнибала в Великой Армении не дает оснований для далеко идущих выводов. Оно, однако, позволяет говорить о заинтересованности господствующих слоев тогдашнего армянского общества в том, чтобы привлечь в Армению представителей различных иных обществ, чья деятельность так или иначе могла способствовать укреплению армянской государственности. Есть основания полагать, что уже Арташес I практиковал массовые переселения жителей покоренных стран в основанные им города, в том числе в Арташат⁸. Хотя подобная политика для древнего Ближнего Востока была традиционной, она, несомненно, диктовалась желанием Арташеса превратить основываемые им города в крупные и устойчивые торгово-ремесленные и культурные центры. Аналогичную политику осуществлял, как известно, Тигран II, привлечший в Тигранакерт, помимо армянской знати (App., Mithr., 84), жителей двенадцати завоеванных им эллинических (т. е. эллинистических) городов (Strabo, 11, 14, 15) и других чужеземцев (Plut., Luc., 29; ср. также Dio Cass., 36, 2)⁹, в том числе иудеев¹⁰. Появление в Армении Ганнибала хорошо соответствует этой политике, хотя, разумеется, о насильственном переселении в данном случае не могло быть и речи. Пребывание Ганнибала при дворе Арташеса I, несомненно, способствовало ознакомлению армян с какими-то элементами пунийской культуры. В частности, планируя на местности будущий Арта-

⁵ Я. А. Манандян, Тигран II и Рим, стр. 21 и 237.

⁶ С. Т. Еремян, Развитие городов, стр. 19.

⁷ Der Kleine Pauly, Bd. I, стр. 615.

⁸ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт, стр. 44—45.

⁹ Я. А. Манандян, Тигран II и Рим, стр. 62—63; Г. Х. Саркисян, Тигранакерт, стр. 50—51.

¹⁰ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт, стр. 53—60, со ссылкой на свидетельства Фавста Бузанда и Моисея Хоренского.

шат, Ганнибал не мог не воспользоваться опытом пунийского градостроительства. Возможно, с этим связано и название «армянский Карфаген», которое римляне дали Арташату. Но эта проблема требует специального изучения.

ՀԱՆՆԻԲԱԼԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Պատմ. գիտ. դոկտոր Ի. Շ. ՇԻՖԱՆ (Լենինգրադ)

(Ա մ ֆ ո փ ու մ)

Գիտություն մեջ արմատավորված է Թ. Մոմզենի այն կարծիքը, թե կարթագենացի զորավար Հաննիբալի Հայաստանում լինելու և Արտաշես I-ին Արտաշատի հիմնադրման գործում օգնելու մասին Ստրաբոնի և Պլուտարքոսի տեղեկությունները անհավաստի են: Ի նորոք բնակելով սկզբնաղբյուրների տվյալները և հենվելով մի շարք նորագույն հետազոտողների կարծիքի վրա, վիճարկում ենք վերոհիշյալ տեսակետը և գտնում, որ Հաննիբալը կարող է այցելած լինել Հայաստան անմիջապես Մագնեզիայի ճակատամարտից հետո (մ. թ. ա. 189 թ.) և մնացած լինել այնտեղ շուրջ մեկ տարի: Մեր կարծիքով այդ ժամանակ էլ հիմնադրվել է Արտաշատ քաղաքը: